

Кн. Евгений ТРУБЕЦКОЙ

Из частной переписки. Памяти В. С. Соловьева

Открытое письмо С. Н. Булгакову

Многоуважаемый Сергей Николаевич!

Приветствуя в Вашем лице редакцию журнала «Вопросы жизни»¹, я не могу не вспомнить о горячо любимом мною почившем моем друге — В. С. Соловьеве, коего Вы являетесь последователем. Понятно, что для Вас теперь на первом плане должны стоять те темы, на которые невольно наводит это имя. По этому поводу позвольте мне сказать несколько слов.

Прежде всего, конечно, следует помнить, что основную идею Соловьева была идея Богочеловечества, которая олицетворялась для него во образе Христа распятого и воскресшего. Эта идея уже в тот момент, когда она была впервые высказана, была «для иудеев соблазн, для эллинов безумие»². Так оно осталось и в наши дни. Трагизм всей жизни Соловьева заключался именно в том, что его проповедь была соблазном для одних, безумием для других. Оно и понятно: те иудеи и эллины, о которых говорит апостол, олицетворяют собою не племенные только группы, но непреходящие человеческие типы: под «иудеями» следует разуметь всех тех, кто распинает Христа под предлогом религии, а под «эллинами» — всех вообще представителей чисто светской, языческой мудрости.

Почему учение Христово было соблазном для иудеев? Те иудеи, о которых говорит Священное Писание, вовсе не принадлежали к числу «потрясателей основ»: то были прежде всего «благонамеренные охранители», ревнители того, что в те дни почиталось за православие. Они постоянно заявляли о своих верноподданнических чувствах по отношению к кесарю и сочетали благочестие с цезаризмом, потому что для охранения их пошатнувшегося обряда и для осуществления их иерархиче-

ских вожделений им нужен был Пилат и его воины. И вот перед нами ряд вековечных типов: фарисеи, которые стараются «уловить в слове» и задают крючковатые вопросы о размежевании обязанностей религиозных и верноподданнических, первосвященники, синедрион³, Пилат, который предает, а сам кивает на другое ведомство («неповинен я в крови праведника сего»⁴), и, наконец, бичующие воины. Относящиеся сюда тексты Св. Писания до того полны современного значения, что остается только удивляться, как они прошли через нашу духовную цензуру.

Иллюстрацией к сказанному может послужить вся жизнь и деятельность Соловьева. Когда он возвестил нам Царствие Христово, когда он объявил во всеуслышание, что Христос — Первосвященник и Царь, Коему дана всякая власть не на небе только, но и на земле, то повторились старые, давно знакомые нам сцены. Синедрион волновался, лжесвидетели изобретали клеветы, первосвященники раздирали свои ризы и говорили: «Какие хульные слова, кто может это слушать?»⁵ А дружный хор ревнителей закона без умолка взывал: «Не имама Царя, токмо кесаря, кто думает не так как мы, тот не друге кесарю, распни, распни его»⁶. Впрочем, по поводу распятия в применении к Соловьеву, я спешу оговориться, что «сие должно понимать духовно». До распятия в буквальном смысле, как известно, дело не дошло; но если бы иудеи — современники Христа — располагали такими же средствами борьбы против «лжеучений», как современные нам ревнители закона, то в распинании Спасителя, по всей вероятности, для них не встретилось бы ни малейшей надобности. Такова до последнего времени была сила «иудеев», что им одним дана была свобода говорить: всякого противника они могли принудить к молчанию.

Отсюда вытекает ряд соображений по поводу тем, подлежащих обсуждению на страницах Вашего журнала. Прежде всего, конечно, Вас должны интересовать вопросы, касающиеся христианской политики. Вопросы эти возникают сами собою, так как самая идея христианской политики неразрывно связана с именем Соловьева, с основным принципом его учения. Но как только мы вступаем в эту область, нам волей-неволей приходится прежде всего иметь дело с «иудеями», коих сила еще и до настоящего времени не поколеблена.

Спрашивается, возможна ли при этих условиях христианская политика, возможна ли она при отсутствии формальных гарантий печатного и устного слова, при отсутствии законом обеспеченной свободы совести? Где те органы, которые могли

бы ее осуществлять, как и при каких условиях она вообще возможна? И конечно, следует поставить этот общий вопрос, прежде чем приступать к вопросам частным, специальным. Трудность осуществления тех пожеланий, какие мы можем высказать по этому поводу, не должна нас останавливать. Лишь бы было брошено семя в землю! Соловьев его уже бросил: нам остается только продолжать его дело, в твердой уверенности, что семя это возрастет, созреет и даст плод, хотя мы и не можем ожидать плодов немедленных.

Быть может, впрочем, еще плодотворнее может оказаться наша работа в другой сфере, именно в той, где нам приходится иметь дело с эллинами. Здесь нравственная атмосфера чище, потому что эллины не принадлежат к числу гонителей и распинателей Христа: это — подвижники мысли, люди свободного исследования, которые предъявляют к христианству вполне законные теоретические запросы и сомнения. По этому поводу позвольте обратиться к воспоминаниям. Двенадцать лет тому назад я защищал в Московском университете мою магистерскую диссертацию о блаженном Августине⁷. Соловьев, присутствовавший на диспуте, обратился ко мне по поводу моей вступительной речи со словами, которые навсегда останутся мне памятными: «Ты призывал христиан всех вероисповеданий — соединиться для общей борьбы против неверия, а я, напротив, скорее желал бы соединиться с неверующими для борьбы против современных христиан». По этому поводу не лишним будет вспомнить, что и в древности учение Христово было воспринято эллинами, а не иудеями; и в настоящее время наши надежды должны быть устремлены преимущественно в сторону эллинов. Но тут, однако, меня несколько смущают слова, которые мне недавно пришлось услышать в Германии: «Wladimir Solowieff, ein verrückter russischer Philosoph»⁸. Вот он — голос современных эллинов: для них учение Соловьева есть «безумие». Между этим учением и господствующими течениями современной мысли несомненно существует пропасть. И если мы хотим заполнить эту пропасть, если мы хотим убедить эллинов, что проповедь Соловьева не есть «безумие», то нам предстоит войти в самую глубину современной эллинской мудрости, иначе говоря, — совершить путешествие в Афины. Там мы найдем, во-первых, ряд антитезисов против учения Соловьева, а во-вторых, смутное сознание неудовлетворительности этих антитезисов, искание чего-то высшего и лучшего. Это — то самое, что некогда нашел в Афинах апостол Павел: во-первых, греческий Олимп, мир обоготворенных человеческих существ, — олицетворенный ан-

титезис против христианства, а во-вторых, алтарь, воздвигнутый кем-то... «неведомому Богу»⁹. На наших глазах древний Олимп воскресает в целом ряде образов — в гуманизме современной мысли, в культе человека и человечества, в идее сверхчеловека, в современных общественных идеалах, в целом ряде учений индивидуалистических и социалистических. А рядом с этим «неведомый Бог» проявляется в сознании бессмыслицы существующего, в искании цели и смысла существования, в том пессимизме, который представляет собою суд над Олимпом и, наконец, в безотчетной вере в прогресс, долженствующий привести нас к чему-то лучшему: ибо эта вера в прогресс по самому существу своему покоится на предположении цели, лежащей в основе мирового развития: она может быть оправдана только в предположении провиденциального плана, лежащего в основе истории. Она и есть тот неведомый Бог, который олицетворяет собою надежду современных эллинов. По этому поводу я считаю долгом напомнить, что литературная деятельность Соловьева началась с путешествия в Элладу: иначе я не могу назвать его диссертации магистерскую и докторскую — его «Кризис западной философии» и «Критику отвлеченных начал». Тут он попытался объединить в стройном синтезе все то прекрасное и ценное, что произвела европейская философская мысль. Сознание недостаточности, «отвлеченности» выработанных ею начал привело его к идее Богочеловечества: в ней он — открыл того «неведомого Бога», которого искала языческая мудрость Нового времени.

Как продолжатели дела Соловьева мы должны последовать его примеру. Расширим круг вопросов, подлежащих нашему обсуждению. Нам следует говорить не только о самом Соловьеве, в связи с его именем мы должны ставить всевозможные темы применительно к иудеям и эллинам, с которыми ему приходилось постоянно соприкасаться и бороться. Нам предстоит: во-первых, обсуждать вопросы христианской политики, и во-вторых, подобно Соловьеву, совершить путешествие в Афины и перебросить мост через пропасть.

